

Стеклянная лестница в небо

У Саши Раевского вышла новая книга. "Забуранный рай" - это из стихотворения "Сибирь", открывающего сборник: "Где родиться - Ты не выбирал. Для кого-то глухая окраина, Для тебя же - единственный рай. Только он за грехи забуранный".

Стихи у Раевского весомые - плотные, густые и как бы непричесанные: так, не выбирая особо слов, разговаривает с тобой друг: "Жил впрыскаду, храбрился не в меру. Драл рубаху, соленым кропил. - Чем гордиться?! Отчизну и веру, Пусть и честно, но глупо пропил... Со своей прописался любовью. А была ль, в самом деле, любовь? По сравненью с великою болью Что твоя одиночная боль!" И что, правда, значит твоя "одиночная боль" в сравнении с великой российской бесприютностью, ставшей судьбой, каиновой печатью: "Вчера, сегодня и всегда, Делясь на тесные колонны, Текут в историю года. И все - штрафные батальоны". Это стихотворение "Судьба России", всего четыре строчки, но как емко сказано! Может, поэтому так тесно в груди от чувства, что тебя обделили в жизни: "Одетый в иней краснотал Напомнит мне мои же вины. Любил, творил, мечтал, страдал, Но как-то все наполовину. Другой в запасе нет судьбы... Одно осталось: дошагать... Не так уж трудно, в самом деле, Года последние сжигать. Когда мосты уже сторели". И что в сухом остатке?! Ни слез, ни жалости к себе: "Ни о чем таком как будто не жалею, Жалко, Пушкина не встретил на земле". Вот Пушкин - пожалуй, ровня: уже потому, что "Без меня над землей будут плыть облака, Но как я - их никто больше так не увидит". Не увидит, не повторит, не скажет стихом: "Всякий раз, заходя в сень простых потолков, В предзакатных лучах, как в оранжевом дыме, Я крещусь на портреты своих стариков, На которых они молодые". А каково: "В сень простых потолков"! Здорово. Где он о святом, там и слова находит высокие, торжественные. У Раевского (стоит вторым в книге) есть замечательное стихотворение "Бабушкины слова". Там про весеннего бога, к которому можно залезть: "Он на облаке. Ласков и розов. И на небушко лесенка есть - Вон за той зеленой березой"...

Понятно, что за березой никакой лестницы на небо нет. Но есть надежда: "Что-то высшее все-таки есть, Что стоит над житейскою прозой! Я приду. Соберусь и приду. Хоть стократ всюду все изменилось, Все равно это место найду. Пусть хотя б перед самой могилой... Шелестит там береза в зенит Облака ходят плавно и немо, И, мерцая, легонько звенит, Там стеклянная лестница в небо..." И это дает силы жить, примиряет с мирской суетой: "Но если, в мрак макнув перо", - пишет Раевский в "Поэте", - Склонился, бледный, над бумагой... - В мгновенье ока прекратите Храпеть, ходить парадным шагом, Орать, лупить друг друга флагом. Красть, врать, пугать страной страну... Банкеты, сплетни - все прервите! - Да хоть повально перемрите, Но соблюдайте тишину!" Потому что Поэт подсуден только Господу. На том и стоит Александр Раевский, поэт удивительной честности и открытости.